

Agnus Dei, Qui tollis peccata mundi,
dona eis requiem*.

Дверь медленно повернулась на тугих петлях, луч фонаря прочертил на каменных плитах светлый треугольник. Где-то далеко за крепостной стеной раздался протяжный стон, переходящий в бессмысленный хохот. Спина мигом покрылась липким потом, хоть рассудок подсказал — это всего лишь крик ночной птицы.

Хохот оборвался. Только листья шелестят за спиной, да бьются в стекло фонаря обезумевшие мотыльки. Треугольник света на полу продолжает вытягиваться, достигнув витой ножки стола... носка элегантного ботфорта... свисающих с подлокотника кресла четок... складок бархата на рукаве... тускло блеснувшего позолотой эфеса шпаги...

Снаружи снова расхохотался филин.

---

* «Агнец Божий, который берет на себя грехи мира, даруй им покой». Слова из католической заупокойной мессы.

Густой предутренный туман гасил эхо. Стук копыт по бульжнику двора, звон сбруи и лошадиное фырканье, такие привычные днем, сейчас казались чуть ли не зловещими, как выглядела призрачной показавшаяся в тумане фигура закутанного в плащ всадника. Впрочем, чем ближе он подъезжал к воротам, тем явственнее обретал плоть. Властным жестом он приказал поднять решетку, и привратникам не пришлось в голову задавать вопросы. Цепи с лязгом стали наматываться на ворот, и решетка поползла вверх. Конь послушно ступил под арку. Несколько шагов, и туман снова скрыл его и изящно державшегося в седле всадника.

Оба привратника, наверное, запомнили эту сцену на всю жизнь. Сначала им пришлось во всех подробностях рассказать о произошедшем начальнику гарнизона, потом — сенешалю, а теперь их внимательно слушал Гаррет, сводный брат и правая рука барона Донована. Ох, не пришлось бы перед самим бароном все это пересказывать... Не то чтобы сэр Уильям отличался особо крутым нравом или чрезмерной строгостью, просто уж очень переполошил весь замок внезапный отъезд одного из гостей, а в таких случаях чем незаметнее слуга, тем меньше с него спросят.

— Так, значит, он не говорил с вами? — Гаррет слегка нахмурился.

— Нет, господин, ни единого слова не сказал. Только рукой так вот махнул... чтобы, стало быть,

открыли ему. — Привратник неуклюже повторил виденный жест.

— И вы открыли. — Гаррет еще больше нахмурился. — Что за конь под ним был?

— Из конюшни сэра Уильяма.

Словно в ответ на эти слова, приоткрылась дверь, и на пороге показался один из стражников.

— Господин, я только что от сэра Уильяма, — обратился он к Гаррету. — За рвом поймали коня из баронской конюшни. Наверное, того самого.

— И что с ним? — живо повернулся к пришедшему Гаррет.

— Да ничего. Пасся себе...

— Я имею в виду сбрую.

— В полном порядке. Словно всадник спешил и... — стражник замялся и закончил: — И непонятно, куда делся. Сэр Уильям приказал весь лес обыскивать.

Большая стрекоза зависла над водой, ловя блестящими крылышками солнечные блики. Носились среди листьев кувшинок юркие водомерки, между уходящими в темную глубину стеблями мелькали рыбешки. Из-под разохшихся деревянных мостков, зацепившись за столб, стелился по воде длинный светлый лоскут.

Девушка, полоскавшая белье, свесилась и ухватила мокрую ткань.

— Смотри-ка, Аби, это ж у тебя уплыло! — повернулась она к подружке на другой край мостков.

— И ничего у меня не уплывало, — отозвалась та. — Сама, наверное, и уронила.

— У меня не было такого.

Девушка потянула из воды лоскут, но он не поддавался, видимо, зацепился за что-то под мостками.

— Это вообще не наше, — с сомнением проговорила подошедшая подруга. — Брось ты это, Кэйт.

Не слушая, Кэйт дернула сильнее, и на поверхности воды показался небольшой — с корзину для белья, а то и меньше — перемотанный веревками тюк.

— Ох... что это?

— Не надо!

— Ты чего, боишься? Ну ты и трусиха, Аби!

Кэйт передернула плечами и, взяв палку, которой они подцепляли корзины с бельем, ткнула в туго свернутую ткань. Из-под грубого холста, которым сверху был замотан сверток, появился край более тонкой светлой ткани с размытыми бурыми пятнами.

— Знаешь, Кэйт, может, я и трусиха, но мне это не нравится. И я не хочу знать, что там внутри.

— Думаешь, это кровь? — враз севшим голосом проговорила Кэйт.

— Так ведь похоже на кровь... Не разматывай!

Аби предостерегающе схватила подругу за руку, но та и сама отдернула палку от вмиг ставшего страшным свертка.

— Что будем делать? Вытащим?

— Нет! Может, позвать кого...

— А если там... ну... что-то плохое? Мы же и виноваты будем.

— Знаешь... а пусть-ка он дальше плывет!

И девушки осторожно, чтобы не размотать ненароком ткань и не увидеть страшного содержимого, палкой стали подталкивать находку на середину ручья.

I

СЛОМАННЫЙ КЛИНОК

Месяц спустя

Влунном свете кровь на булыжнике мостовой казалась черной. Где-то ответом на звон шпага хлопнул закрываемый ставень. У ног сэра Уильяма, барона Донована, бился в агонии его спутник, только что дравшийся с ним спина к спине. Любой шаг в сторону или назад мог слишком дорого обойтись — споткнись об умирающего, и твоя собственная смерть окажется не только обидной, но и позорной. Один против четверых. Двое заходят с обеих сторон, не давая атаковать — уйдешь в выпад, доставая одного, и откроешься для клинка другого. Еще двое стоят поодаль с обнаженными шпагами, ждут то ли развязки, то ли своей очереди — уж как получится.

Злость, что он так глупо попался, стучала в висках, кровь из прокушенной губы наполняла рот мерзким привкусом. Пока только из губы... впрочем, не надейтесь, сучьи дети! Кажется, барон выплюнул ругательство вслух. Такое в бою порой помогает не хуже

молитвы. Он улучил момент, завязав клинок одного из разбойников. Резко зайдя в сторону, толкнул его на другого, тут же отскочившего — пожалуй, слишком далеко. Последний стон умирающего смешался с булькающим хрипом раненого. Ощувив на лице горячие капли, барон выдернул клинок из горла падающего противника, чтобы тут же отразить удар сбоку. Рискованный разворот на скользких булыжниках, снова летят веером темные капли, снова вопль боли. Теперь их двое. Он — один. Их двое? Нет, трое — из темноты выскользнула еще одна тень.

Господи, да за что же? Конечно, он был готов к тому, что пустая интрижка с чужой любвеобильной женой закончится дуэлью, но чтобы встретить целый отряд наемных убийц... Сталь скрежещет о сталь, звон, неожиданная легкость в руке, держащей вместо шпаги короткий обломок... Все. Вот и все.

Барон не сразу понял, почему они не нападают, он же безоружен. Почему один из них рывком падает на колени, выпустив из руки шпагу, и утыкается лицом в грязь мостовой. Почему двое других схватились между собой, не обращая на него внимания. Значит, тот, кто последним появился из темноты переулка, не из их шайки... Подмога? Но этот человек был ему незнаком. Опустив взгляд на мертвеца, барон увидел торчащую из-под лопатки короткую рукоять ножа. Такому броску, учитывая расстояние и неверный лунный свет, можно только поаплодировать. А еще

задуматься, кто способен его сделать... Только вот думать некогда.

Вытащив из-под мертвой руки шпагу, он повернулся к дерущимся. Как раз чтобы увидеть, как неизвестный метатель ножей выбивает из руки противника оружие и бьет его ногой в пах, вынуждая присесть, после чего ударяет рукоятью в основание черепа и, пригнув к земле, перерезает горло так, чтобы не забрызгаться хлынувшей кровью.

Сжимая в руке чужую шпагу, барон смотрел на нежданного союзника. В первый момент ему показалось, что перед ним дворянин — длинные волосы, перехваченные на затылке, в прорезях зауженного в талии колета виднеется тонкая белая рубаха. Но стоило незнакомцу заговорить, как первое впечатление рассеялось.

— Вы дрались как зверь, господин! — Он отвесил легкий, но почтительный поклон. — Не сломайся ваша шпага, так, глядишь, и помощь не понадобилась бы.

— Однако же она пришлась кстати. Как мне тебя отблагодарить?

— Да не... — Тот махнул рукой. — У меня с этими прохвостами свои счеты. Пожалуй, это мне вас впору благодарить. Но вот ежели захотите знать, кто их на вас натравил, так это я могу. В смысле — найти вашего недруга.

— Не стоит. Я и так знаю, кто это.

— Ну что ж... Тогда прощайте, господин.

Он снова поклонился и присел над одним из трупов. Собравшийся было повернуться барон остановился. Слова незнакомца о недруге, которого он брался найти, впились в мозг не хуже его метательного ножа, выдернутого из-под лопатки мертвеца.

— Постой. Ты сказал, что можешь найти человека?

— Могу, господин. — Он вытер клинок об одежду покойника и выпрямился. — Считайте, это мое ремесло.

— Ремесло?... Ладно. Как мне тебя называть?

— Дирхарт, господин.

— Хорошо, Дирхарт. Где мы можем поговорить?

— Идемте, господин.

Вкладывая в опустевшие ножны шпагу убитого разбойника, барон подумал, разумно ли он поступает, связываясь с этим человеком. Впрочем, молния дважды в одно место не попадает. Да и Дирхарт на первый взгляд показался барону вполне подходящим исполнителем его замысла. Такой сделает ровно столько, за сколько ему заплатят.

Они свернули с вымощенной улицы в заваленный мусором и заросший чертополохом проулок. Луна освещала лишенные окон стены и полусгнившие заборы, тускло поблескивала в лужах помоев.

— Да вы не думайте, господин... — Дирхарт на ходу сорвал травинку и зажал между зубами. —

Больше драться сегодня не придется. Меня тут каждая собака знает...

Барон не выдержал и усмехнулся.

— А те собаки, с которыми ты мне помог справиться, они что, единственные, которые тебя не знали?

Дирхарт широко улыбнулся, едва не выронив травинку.

— Очень хорошо знали, господин! Да только напали-то они на вас, а не на меня.

— То есть если бы на их месте был ты...

Барон не договорил, и Дирхарт на ходу слегка ему поклонился.

— Не приведи боже такого, господин. Уж больно хорошо вы деретесь.

Он остановился перед покосившимся сараем и пнул сапогом криво висящие доски, оказавшиеся дверью. Входя в низкий, прокопченный кабак, барон внутренне усмехнулся — в таких местах ему бывать еще не доводилось. Оставалось только надеяться, что разбойничья шпага в случае чего не подведет, как подвела сегодня его собственная.

Внутри кабака было ненамного светлее, чем на улице, но озаряющий его дымную внутренность очаг все же находился ближе луны, а потому и увидеть позволял больше. Об этом впору было пожалеть — при свете собеседник показался барону заслуживающим минимум доверия. Волосы, хоть и отпущенные по

дворянской моде, явно могли быть почище, что, впрочем, относилось и к его одежде, а рубаха казалась тонкой и белой лишь в лунном свете. Не то чтобы он выглядел совсем уж опустившимся, однако явно к тому приближался. Но отступить от задуманного не хотелось.

Они сели на плохо оструганную скамью. Касаться грязной, криво лежащей на козлах столешницы барон поостерегся. А вот принесенное шустрим слугой пиво, хоть и дрянное, оказалось кстати.

Дирхарт сплюнул травинку и поднял на барона вопросительный взгляд.

— Так что же угодно господину?

Барон сделал глоток из липкой кружки, собираясь с мыслями и вспоминая произошедшее в его замке месяц назад...

Он ехал во главе одного из отрядов, мелким гребнем прочесывающих лес. Мало было сказать, что поступок Джеффри Холла не имел разумного объяснения, потому что он вообще никакого объяснения не имел. Сэр Джеффри был рыцарем графа Ормонда и прибыл в замок барона Донована в качестве доверенного лица, призванного вести переговоры о браке барона и дочери графа, леди Вирджинии. И вот, когда все шло так хорошо и такой желанный брак казался сэру Уильяму делом решенным, сэр Джеффри внезапно покидает замок безо всяких

причин, никого не предупредив. Покидает и растворяется в воздухе...

Ехавший рядом с бароном Томас Грэй с беспечным видом запрокинул голову, любуясь легкими облачками и мелькавшими в просветах между листвой ласточками. Сэр Уильям намотал повод на луку седла и раздраженно потер запястье сквозь кожаную перчатку. Его злил довольный вид друга. Очень злил...

Словно услышав эти мысли, Грэй повернулся к нему:

— Говоришь, даже его слуги ничего не знали?

Барон молча кивнул.

— А ты, конечно, сейчас представляешь, как Холл мчится к графу докладывать о... о чем? В чем порочащем он мог заметить жениха накануне свадьбы, чтобы так спешить, забыв о приличиях?

— Ты лучше скажи, на чем он, по-твоему, мчится? На помеле? — недовольно бросил барон, и сэр Томас рассмеялся.

— Очень хорошо представляю эту картину! Помело — как раз то, что ему подходит больше всего. Ты порасспроси прислугу, не пропадало ли...

Барон знал о неприязни друга к Джеффри Холлу и не разделял ее, хоть и понимал, чем она вызвана. Подозрительность и вспыльчивость одного, надменная самоуверенность другого — все это усугублялось тем, что Томас мечтал добавить к дружеским узам еще и родственные, выдав за барона сестру, и ви-

дел в Джеффри препятствие своим планам. Барон прекрасно сознавал: лишь то, что оба одновременно гостили под его крышей, пока удерживало их от поединка.

— Конь, на котором Холл выехал из замка, уже снова стоит в стойле. Причем рядом с его собственным.

— Он что, на твоём пытался сбежать? Так, может, просто не справился с ним? Может, валяется где-нибудь со сломанной шеей?

— Чушь, он прекрасный наездник. Да и собаки нашли бы. Я все своры велел спустить.

— Чудеса... — протянул Грэй, снова мечтательно подняв глаза к небу. — И брак твой висит на волоске. А волосок готов...

— Помолчи.

— Как скажешь.

Весь вид сэра Томаса показывал, что долго молчать, несмотря на обещание, он не собирается. Пожалуй, их дружба тоже висела на волоске. Конечно, в желании Грэя породниться с другом не было ничего дурного — и род достойный, и сестра его хороша собой. Все могло бы сложиться к взаимному удовольствию, если бы в жизни сэра Уильяма не возникла дочь графа Ормонда. Брак с ней был не просто выгодным. На выгоду барон мог махнуть рукой. Но переступить через разрывающую душу страсть к леди Вирджинии он не мог даже ради старой дружбы.

— И все-таки интересно, что скажет граф, если с его поверенным впрямь случилось что-то плохое? Отдаст он за тебя дочь? — нарушил недолгое молчание Грэй.

Барон молча стиснул руки, сквозь перчатку впиваясь ногтями в запястье.

— Господин... — мягко произнес Дирхарт, вернув барона в прокопченный кабак. — Вы поговорить со мной хотели.

— Да... — Сэр Уильям тряхнул головой, отгоняя воспоминание. — Да. Мне нужен человек, способный найти другого человека... Нет, пожалуй, не так. Мне нужен человек, способный отыскать иголку в стог сена.

— Иголку-то?.. А что, отыщу и иголку, ежели заплатите.

— Об этом можешь не беспокоиться.

Барон разглядывал Дирхарта, стараясь отбросить сомнения. Хоть на плута тот похож не был. Обычный наемник, переживающий не лучшие времена. Лицо, пожалуй, неглупое. Да и черты довольно правильные, простонародными не назовешь. Побочный отпрыск какого-нибудь лорда, не пожелавшего признать связь с простолюдинкой? Похоже...

— Так кого искать-то мне, господин?

Дирхарт нагнулся и, подняв с посыпанного грязной соломой пола сухой стебелек, сунул в рот.

— Где-то недалеко от моего замка пропал человек. Мне нужно найти его или хотя бы узнать, что с ним произошло.

Наемник грыз соломинку, терпеливо ожидая продолжения, и когда его не последовало, покачал головой.

— Господин, этого мало. Кто этот человек, что делал возле замка вашего, когда пропал... Откуда вы знаете, что пропал... Где должен появиться и не появился... Вы мне хоть что-нибудь скажите, господин. А то ведь у иголки в сене, и у той примет больше.

Барон поймал внимательный взгляд светло-серых глаз и внутренне поежился. Только сейчас, окончательно остыв после горячки боя, он в полной мере ощутил, насколько сомнительное дело затевает. Посвятить этого человека, свалившегося на него, во все подробности, разумно ли? Но, с другой стороны, сидящий перед ним — всего лишь наемник, кроме денег ему ничего не нужно, едва ли его участие чем-то может грозить.

— Ладно. Случилось вот что...

По мере того, как барон рассказывал историю исчезновения Джеффри Холла, Дирхарт иногда лишь чуть заметно кивал, не меняясь в лице, словно до сих пор только тем и занимался, что распутывал подобные дела. Однако когда барон закончил, он продолжал молчать.

— Ну так как? Найдешь мне этого человека?

Дирхарт передвинул во рту соломинку, глядя в свою кружку.

— Найду, господин, ежели хотите...

— Ты колеблешься, я же вижу.

— Да не то чтобы... — Дирхарт снова вскинул на барона светлые, почти бесцветные глаза. — Только вот начинать мне надо оттуда, где след появился, раз уж непонятно, где он оборвался. То бишь с вашего замка. А разве ж я могу быть вхож туда?

— И только то? — Барон выдохнул почти облегченно. — Сегодня погиб человек из моей свиты, мир его праху... Займешь на время его место. Это никого не удивит, если, конечно, ты сам не будешь удивлять своим внешним видом.

Соломинка во рту Дирхарта дрогнула, он улыбнулся.

— За это-то не беспокойтесь, господин. Я могу прикинуться кем угодно, хоть нищим, хоть папой римским.

— И то, и другое, пожалуй, чересчур. Просто одежду почисти.

* * *

Джон чистил хозяйский камзол, придирчиво осматривая протершиеся или залоснившиеся места. Вполне еще можно носить, если, конечно, из-под кафтана будет виден только перед... Никогда прежде он

не выполнял своих обязанностей с таким тщанием, даже когда служил в приличных домах и хозяевами его были люди солидные и уважаемые.

Первое место Джон покинул через год службы, прихватив с собой некоторую часть хозяйских денег. Ему повезло — его не поймали. Однако деньги быстро закончились, и он нашел другого хозяина, в другом городе. На новом месте он прослужил дольше, и первое время им были довольны, как и сам он был вполне доволен службой. Но уж больно велик был соблазн... Правда, в этот раз он бежал уже не с хозяйскими деньгами. В этот раз он просто бежал — от виселицы.

Снова сменив город, Джон почувствовал себя в безопасности и стал искать новое место. Пожалуй, это не составило бы труда — он обладал приятной внешностью, учтивыми манерами и даже знал грамоту, но случилось то, чего он не ожидал. То ли он ушел недалеко, то ли просто удача совсем от него отвернулась, однако его опознали и он снова с трудом избежал виселицы. Больше испытывать судьбу Джон не стал, сделав ставку на один свой талант, которым прежде не слишком гордился — на карточную игру. Впрочем, талант его на деле оказался не больно силен, да и товарищи по игре не всегда оказывались достаточно наивны, потому и выигрыш, и побои доставались Джону примерно поровну.

Однажды в трактире к нему подсел подвыпивший красавчик в когда-то щегольской, но теперь изрядно истрепавшейся одежде. Впрочем, на пальце незнакомца поблескивало кольцо с довольно крупным камнем, а на поясе висела шпага с дорогим эфесом. Небрежно развалившись на стуле, он предложил раскинуть карты, и Джон, которому уже давно не улыбалась удача, приободрился.

Повертев в пальцах сданные карты, незнакомец бесцеремонно взял всю колоду и начал перебирать. Джону стало нехорошо. Красавчик ухмылялся уголком рта, перекатывая зажатую в зубах соломинку. Наконец он бросил карты на стол и расхохотался.

— Парень, из тебя такой же шулер, как из меня — белошвейка!

Джон смотрел на сидящего перед ним и понимал, что на сей раз влип по-крупному. Этот человек только на первый, очень поверхностный взгляд мог показаться безобидным. Джон видел, с каким подбострастием хозяин трактира поставил перед ним выпивку, а обычно нагловатые завсегдатаи не решались близко подходить к их столу.

Незнакомец сплюнул соломинку и сделал большой глоток из кружки.

— Этим ты не проживешь. — Он указал глазами на рассыпанные по столу карты. — И закончишь плохо. Но у меня к тебе есть кой-какое предложение. И ежели ты не дурак, ты его примешь.

— И какое же предложение? — выдавил Джон, изо всех сил стараясь держаться независимо и понимая, что получается неубедительно.

Его собеседник сделал еще один глоток, придиричиво оглядел Джона, кивнул собственным мыслям и ответил:

— Мне нужен слуга. Ты мне подходишь.

Новый хозяин Джона был легок нравом и улыбчив. Несмотря на то что обитал на самом дне общества, оказался гораздо щедрее прежних уважаемых господ. Держался он со слугой почти по-дружески, однако Джон не сомневался: попробуй он проверить с этим хозяином то же, что с прошлыми, этот не поднимет шума, не попытается отдать его под суд или еще как наказать. Этот его просто убьет. Заведет под каким-нибудь предлогом в глухой тупик, незаметно воткнет под ребро стилет и спокойно уйдет, оставив мертвое тело сидеть, прислоненным к грязной стене. И сделает он это не по причине какой-то особой своей свирепости. Он, пожалуй, даже злости толком не будет испытывать. Просто таковы уж законы мира, к которому он принадлежал. А теперь к этому миру принадлежал и сам Джон.

Он очень быстро понял, кому служит. Целая стена, увешанная оружием — от разнообразия клинков и гард рябило в глазах. Особенно Джона поразили короткие ножи с плоской, лишенной упора рукоятью,

которые его хозяин носил в особых ножнах на предплечьях обеих рук и которые были предназначены для метания в цель.

Сам Джон, конечно, мог при случае пустить в ход нож или короткий кинжал, но шпаги в руках не держал никогда. Он с интересом наблюдал, как его новый господин каждый божий день упражняется в стоккатах, имброккатах и страмазонах*, но самое сильное впечатление на Джона производили те самые короткие ножи, послушно срывающиеся с руки, чтобы вонзиться в деревянный столб, поддерживающий потолок.

Порой Джону и его хозяину приходилось спешно собирать весь этот арсенал и бежать в неизвестность, чтобы как ни в чем не бывало возникнуть в другом месте. Несколько раз хозяин появлялся на пороге, тяжело держась за притолоку и зажимая кровоточащую рану, тогда Джону приходилось, наскоро перевязав его, метаться по округе в поисках лекаря. Порой он сам отправлялся на поиски запропавшего хозяина, гадая, найдет его в сточной канаве истекающим кровью или мертвецки пьяным.

Жалованье Джона не было постоянным, как и заработок его господина. Они то купались во всей доступной им роскоши, то оба голодали, считая монеты на корм хозяйского коня, ездить на котором не

---

* Укол снизу, укол сверху, рубящий удар — фехтовальные термины XVI в.

погнушался бы сам граф и которого хозяин любил больше, чем самого себя.

Через некоторое время такой неустроенной, суматошной, опасной жизни Джон с удивлением понял, что она ему нравится, и незаметно для себя понастоящему привязался к теперешнему хозяину, хоть даже не знал его настоящего имени. Впрочем, тот и сам его, возможно, позабыл, привыкнув называть себя намертво привязавшимся прозвищем. Джону же оставалось только гадать, кому и когда пришло в голову дать бретеру и наемному убийце прозвище Дирхарт, Доброе Сердце.

* * *

Внизу хлопнула дверь, заставив дрогнуть потолочную балку. Дом, где они сейчас жили, давно отслужил свой срок и не уставал об этом напоминать. Безошибочно узнающий своего господина по шагам, Джон поспешил отворить дверь комнаты, прежде чем она оказалась распахнута ударом сапога. И пока Дирхарт внизу беззлобно ругался с хозяином этой развалюхи, привычно требующим плату, так же привычно задерживаемую, вернулся к вороху одежды. Аккуратно отложив камзол, он стал придирчиво изучать протертый на локтях кафтан.

— Завтра я должен выглядеть как дворянин, — сообщил вошедший наконец Дирхарт, падая на стул

и закидывая ноги на стоящий рядом табурет. — Мы отправляемся в замок барона Донована.

Джон застыл с кафтаном в руках, с сомнением глядя на господина.

— Зачем? — наконец спросил он с подозрением в голосе.

Легко сходявшийся с людьми и обожавший всяческие сплетни и слухи, Джон, разумеется, слышал и о бароне Доноване. Вернее, о его скандальных любовных похождениях и не менее скандальных дуэлях. Барон был весьма знатен и очень богат, а такой человек был для Джона почти небожителем. Прикосновение к делам, творящимся в столь высоких сферах, казалось ему чересчур опасным даже для людей, привыкших к опасности. Однако Дирхарт в ответ лишь рассмеялся.

— Зачем? Затем, что с завтрашнего дня я состою в его свите.

— Ой, господин! Тут же мало просто выглядеть дворянином. А если барон поймет, что вы...

— Ему не надо ничего понимать. — Дирхарт пошарил под стулом, вытащил бутылку и, выдернув зубами пробку, сделал глоток. — Барон и так знает, кто я. Он сам меня нанял, так что не дрожи, а то потолок рухнет раньше, чем мы съедем.

Знающий, что спор даже с таким добрым хозяином добром не кончится, Джон с покорным вздохом кивнул.

— Кого-то надо... прямо в замке?

— Нет. Там кого-то уже убили. Без меня обошлись. Мне надо просто отыскать человека.

— Так откуда вы тогда знаете, что кого-то убили?

— Не то чтобы знаю... — Дирхарт пожал плечами и сделал еще глоток. — Но чувствую. Это дело за версту отдает мертвечиной, а в таких вещах чутье меня еще не подводило. Много дыр? — безо всякого перехода спросил он, кивнув на кафтан в руках слуги.

Спустя два дня Дирхарт подъехал к городскому дому барона Донована. Несмотря на роскошь, заметную уже на въезде, он в душе усмехнулся — встретивший его лакей не слишком отличался от Джона, сопровождавшего господина со скромно-непроницаемым видом. Если хочешь выглядеть дворянином, иметь представительного слугу — уже поддела.

Приняв в меру гордый и в меру учтивый вид, Дирхарт проследовал в кабинет сэра Уильяма. В своей бурной жизни ему многое доводилось видеть, и его память цепко удерживала все, на что когда-либо падал взгляд. Он знал, что у простолюдинов, волею случая оказавшихся в высшем обществе, было две беды. Одной из них являлось неумение скрыть смущение и неловкость от своей неотесанности, другой же — попытка замаскировать их самоуверенной дерзостью. И Дирхарт изо всех сил пытался проскользнуть между этими двумя ловушками, не задев ни одной.

Днем раньше Джону пришлось сбегать за старьевщиком, а потом подгонять купленную одежду по высокой сухопарой фигуре хозяина. Зато с воротником повезло сразу. Простой по фасону, но из тонкой дорогой материи и идеально белоснежный, он выгодно оттенял правильные черты лица Дирхарта, придавая им благородный вид.

Так что сейчас перед сэром Уильямом, застыв в почтительном поклоне, стоял скромный дворянин из тех, что служат в более знатных домах.

Барон сделал рукой знак подняться и, заметив, как плавно и грациозно тот выпрямился, усмехнулся.

— Не так церемонно, Дирхарт. И держись чуть проще, я же не дама. Кстати, забыл сразу спросить, ты представляешь свои обязанности? Ты не камердинер, не слуга на кухне...

— Да, милорд.

— Ты должен сопровождать меня, когда я наношу визиты...

— Да, милорд.

— ... или в церкви во время торжественных служб.

— Да, милорд.

— Ты всегда должен держаться примерно на шаг позади. Если верхом, то на полкорпуса лошади.

— Да, милорд.

— Еще в твои обязанности входит прислуживать мне за столом, но лишь в особенных случаях.

— Да, милорд.

— Хорошо. Ты когда-нибудь уже при ком-нибудь состоял? Тебе приходилось все это проделывать?

— Нет, милорд.

— О, господи...

Барон с трудом подавил желание схватиться за голову.

— Пусть вас не волнуют подобные пустяки, мой господин. Соображу как-нибудь. Я вот о другом хочу вас спросить. Как вам известно, раньше я служил Джеффри Холлу... Вам ведь это известно? Мне тоже это пришло в голову только сегодня утром. Но так никого не удивит мой интерес к тому, что же с ним произошло.

Сэр Уильям кивнул. Мысль впрямь была неплохой.

— Я понял. Полагаю, ты хочешь узнать, что представлял из себя твой бывший лорд... Это был очень энергичный человек. Честный, но, пожалуй, чересчур прямолинейный. Порой эта черта могла перерасти в грубость, но, насколько я помню, он все же знал, когда следует остановиться. Пожалуй, это все, что я могу о нем сказать... А, да. Он был неравнодушен к дочери моего сенешаля.

— Благодарю, милорд. Мне этого вполне достаточно.

— Что-то еще?

— Да, милорд. Не считите, что это слишком...

Дирхарт замолчал, с сомнением глядя на барона. Тот слегка поморщился.

— Ну, говори. Мы уже и так достаточно далеко зашли. Что еще тебе требуется?

— Видите ли, милорд... Понять, что тогда приключилось, можно, только если сейчас в замке будут находиться те же самые люди.

— Ладно... это тоже вполне разумно. Не могу ничего сказать по поводу прислуги, но я помню, кто из моей свиты был в замке месяц назад. И помню, кто гостил — с ним затруднений тоже не будет.

— Благодарю, милорд.

— Через неделю мы выезжаем.

— Да, милорд.

— И, Дирхарт... Не кланяйся так часто и так низко.

— Учту, милорд.

* * *

Едва утреннее солнце позолотило шпиль ратуши, кортеж барона Донована миновал городские ворота с почтительно застывшей стражей и двинулся в сторону замка.

Дирхарт ехал вместе с дворянами, состоявшими в свите сэра Уильяма — теми самыми, что были при нем, когда пропал Джеффри Холл. Он узнал их имена — Ральф Броган и Джозеф Коул. Оба были сыновьями вассалов барона, оба были знатны и богаты, холодны и надменны. Дирхарт старательно гнал мысли об отделяющей его от них пропасти. Родив-

шийся в семье деревенского кузнеца, он так давно покинул родной дом, что прошлая жизнь казалась ему чем-то далеким, почти не имеющим к нему отношения.

О нем всегда говорили — мол, бродячий театр по нему плачет, так хорошо ему удавалось скопировать любого, кого увидел хоть ненадолго. Сколько он в детстве получил за это тумачков да сколько отвесил в ответ — вспомнить страшно. Но умение сохранил. И пригождалось оно в его суматошной жизни очень часто, а стало быть, оттачивалось. Сейчас он исподволь наблюдал за едущими рядом, перенимая их манеры и не встречая при этом особых трудностей. Что же до непринужденности, так придет и она... Так он говорил сам себе, красуясь на своем Гнедом.

Дорога петляла по холмам, то сужаясь, то утопая в грязных лужах, оставшихся после ночного дождя. Кorteж смешался и растянулся — никто из всадников не хотел получить в лицо комья грязи из-под копыт идущих впереди лошадей.

Гнедой Дирхарта, не привыкший ходить в отряде, вдруг заволновался, резко вырвал повод и протяжно заржал. Дирхарт беззвучно выругался: невдалеке маячил всадник на некрупной кобыле, какие больше приличествуют женщинам и священникам. Именно она и стала объектом мгновенно вспыхнувшего обожания Гнедого, что не сулило ничего хорошего — мужчина, выбравший такую лошадку, вряд ли ока-

жется искусным наездником. А если его кобылка взбрыкнет, почуяв рядом разгоряченного жеребца? Если ее хозяин не догадается отъехать подальше, то рискует оказаться под копытами, а Дирхарту вовсе не хотелось начинать службу у барона, став причиной увечья одного из его подданных.

Наконец дорога вывела кавалькаду из покрытой жидкой грязью низины, земля стала суше, всадники начали сближаться. Дирхарт снова шепотом выругался: всадник на кобыле никуда не делся. Наоборот, теперь он с невозмутимым видом держался перед самым носом охваченного страстью Гнедого. Дирхарт оглянулся по сторонам. Лица Коула и Брогана были надменно непроницаемы, а кони — идеально вышколены. Он перевел взгляд на хозяина кобылы, пытаясь по виду определить его положение при дворе барона. Скромная, но изящная одежда, отсутствие шпаги... На миловидном лице — выражение сдержанно-покорной сосредоточенности, не имеющее ничего общего с гордыми до высокомерия лицами дворян свиты.

Только сейчас Дирхарт понял всю безнадежность своих попыток походить на одного из этих блестящих самоуверенных красавцев. Не представляя, кем является едущий на злосчастной кобыле молодой человек, он мучительно не понимал, как ему поступить. Отъехать в сторону? Но прилично ли дворянину, за которого он себя выдавал, освобождать

дорогу неизвестно кому? Крикнуть тому, чтобы убрался подальше, пока его кобыла, к которой настойчиво тянул шею Гнедой, не начала брыкаться? А это прилично?

Дирхарт еще мучился сомнениями, когда страсть Гнедого достигла апогея. Жеребец издал раскати-стый храп и поднялся на дыбы, готовый покрыть вожделенную кобылу. С резким окриком Дирхарт натянул поводья, вонзая шпоры в бока беснующегося жеребца. Возмущенно заржав, кобыла лягнула задними ногами. Ее незадачливый всадник, от неожиданности теряя стремяна, упал на шею брыкающейся лошади, обхватив ее руками.

— Святой потрох! — взревел забывший об этикете Дирхарт. — Кто погрузил в седло куль с пометом, а привязать забыл?

Гнедой, храпя, снова взвился на дыбы. Кобыла с пронзительным ржанием понеслась прочь, унося близкого к обмороку седока. Раздался дружный хохот.

Дирхарт мигом забыл, как только что чувствовал себя растерянным простолюдином среди надменных дворян. Готовый схватиться за шпагу при звуках смеха, он огляделся, безумным взглядом напоминая собственного жеребца, однако же лица смеющихся были обращены вслед удаляющейся кобыле. Кажется, ее всадник наконец обрел способность управлять лошадью, и они исчезли где-то в хвосте кавалькады.

Отсмеявшись, едущие рядом с Дирхартом дворяне повернулись к нему:

— Как ты сказал?

— Куль с пометом?

— Привязать забыли?

И они снова расхохотались, а Коул сделал в сторону Дирхарта одобрительный жест.

— Кто это был? — осторожно спросил Дирхарт.

— Дэмьен Кларк, секретарь сэра Уильяма, — пояснил Броган, пренебрежительно махнув рукой. — Эта птичка совсем невысокого полета, так что не переживай. Сын простого писаря.

— А метит, между прочим, в зятя сенешалю! — вмешался Коул. — Впрочем, зря, конечно. Как бы Дэмьен ни был обласкан бароном и влюблен в красотку Эрмину, сенешаль никогда не отдаст дочь за человека столь скромного происхождения. Даже если бы он носил шпагу и не падал с лошади.

Дирхарт внутренне поежился, снова вспомнив о собственном происхождении, но при этом очень натурально скривил губы в презрительной усмешке.

— Понятно. Ему бы больше подошло женское седло.

— Именно! — рассмеялся Броган. — Забудь о нем. А вот у тебя конь великолепный!..

Разговор плавно перешел на лошадей, и Дирхарт почувствовал себя увереннее. А через некоторое время его собеседники перестали казаться ему не-

досягаемо надменными. Хоть оба говорили с ним запросто, но точно так же они говорили и друг с другом. И никаких сомнений по поводу дворянского происхождения самого Дирхарта никто не выказал.

Когда кавалькада достигла замка, все трое уже были если и не друзьями, то хорошими приятелями.

Разумеется, Дирхарт видел замки знатных дворян. Он очень хорошо представлял себе просторные дворы, широкие каменные лестницы, стекла в окнах, потолки без следов копоти, гобелены на стенах, дорогую посуду... А еще там даже служанки носили корсеты, делающие женскую талию головокружительно тонкой, а грудь — пьяняще высокой. Правда, все это рисовало его воображение, а на деле до сего момента ему приходилось лишь издали видеть зубчатые стены с башнями, силуэты остроконечных крыш и донжона над ними. Вблизи же крепостная стена оказалась еще выше, чем ему представлялось, заставляя ощутить себя маленьким приبلудным зверьком.

Миновав каменный мост и длинную сводчатую арку, кавалькада въехала во двор, и Дирхарт приказал себе не задирать голову на каменные громады башен и не пялиться вокруг с видом простолюдина, впервые оказавшегося в замке знатного лорда. На его взгляд, этот двор, куда выходили службы и с десятков домов, был похож скорее на главную улицу небольшого городка. Впечатление довершала почтительно

застывшая толпа, вполне способная такой городок заселить. Усилием воли Дирхарт заставил себя не сравнивать недавно оставленную им развалюху с домами, в которых здесь жила обычная прислуга и которые выглядели чуть ли не господскими хоромами. Впрочем, как раз господского-то дома он еще не видел. Воображение Дирхарта сдалось на милость превосходящей его реальности.

Всадники пересекли двор, въехав под следующую арку, ведущую в ту часть замка, где жили сам барон, его семья, свита и ближайшая прислуга. От предвкушения встречи с небывалой для него роскошью сердце Дирхарта замирало, как перед свиданием с до боли желанной женщиной.

Если первый двор напоминал оживленную улицу какого-нибудь городка, то внутренний походил на его главную площадь. Сюда выходил дворец барона, дом сенешаля, церковь, еще какие-то флигели, пристройки и дома поменьше, но тоже выстроенные из камня и столь же изящные. Крепостную стену почти скрывал густой плющ, в разбитом посреди двора саду благоухали розовые кусты, выстроенная над колодцем беседка казалась кружевной...

Дирхарт снова одернул себя, гася чрезмерное восхищение во взгляде — подданный Джеффри Холла должен был видеть и не такую роскошь. Не без труда придав лицу выражение сдержанного интереса, он смотрел, как хорошо одетые слуги принимают ло-

шадей, как почтительно склоняются перед сэром Уильямом домочадцы, и даже в суете по случаю его прибытия чувствуется спокойная слаженность...

Он пропустил момент, когда эта женщина появилась во дворе, но, увидев, уже не спускал с нее глаз, не думая, как это выглядит со стороны. Она совсем не была похожа на тех, какие обычно ему нравились. Строгое черное платье, чепец, полностью скрывающий волосы, в одежде — ни единой кокетливой детали... Дирхарту никогда не пришло бы в голову, что его внимание может привлечь такая женщина. Да и нельзя было сказать, что она привлекла к себе внимание. Нет, она его приковала. Ее походка, ее движения, весь ее облик заставлял забыть о почти монашеской строгости ее наряда, оставляя лишь мысли о том, что он скрывает. Очень настойчивые мысли.

С достоинством богини женщина подошла к почтительно склонившемуся перед ней сэру Уильяму и материнским жестом благословила его, поцеловав в лоб.

— Ты уже очарован этой феей?

Дирхарт резко обернулся, но улыбка подошедшего Коула была лишена ехидства.

— Кто она?

— Мистрис Маргарет. Бывшая кормилица сэра Уильяма.

— Кормилица? С такой талией? И такая молодая...

Коул снова улыбнулся.

— Да, такая красавица. Кстати, вон тот парень рядом с ней — ее сын Гаррет.

Дирхарт перевел взгляд на молодого человека, названного Гарретом. По виду — ровесник сэра Уильяма или чуть старше, в тонких чертах обоих явно заметно что-то общее. Тем временем Гаррет подошел к сэру Уильяму и довольно фамильярно обнял его за плечи. Глядя на это, Дирхарт непроизвольно поднял брови. Коул хмыкнул — на этот раз слегка ядовито.

— Не удивляйся. Они не просто молочные братья. Красотка Маргарет родила Гаррета от прежнего барона, отца сэра Уильяма. — Коул вздохнул, и Дирхарт уловил в его тоне сарказм. — Не думай, это не скрывается, наоборот. Видишь, как он себя ведет! Это ты удивился, а мы привыкли. Да, ты еще столкнешься с нашими порядками. Главное, держись с Гарретом настороже. Про таких говорят: протянешь палец, откусит руку. Не обижайся, я вижу, что ты не из тех, кто позволит собой помыкать. Но... — Коул махнул рукой и беспечно улыбнулся. — Сам разберешься во всем.

Кивнув в ответ, Дирхарт подумал, что вряд ли Коул представляет хотя бы малую часть того, в чем он будет вынужден разобраться.

II

СМЕРТЬ ГОВОРИТ СКВОЗЬ СТЕНЫ

Дирхарт вытянул перед собой руку, разглядывая кольцо на пальце. Джон, и без того последнее время находящийся то в тревожном, то просто в дурном расположении духа, поморщился. Он очень хорошо знал это кольцо, вызывавшее неприятные воспоминания о дне, когда он впервые встретил своего будущего господина. Сильно привязавшись к Дирхарту, он не любил вспоминать попытку выманить у него это самое кольцо с помощью шулерского трюка. Хорошо, что Дирхарт редко его надевал... А вот теперь надел. Да еще и любит — и кольцом, и самим собой, и всем, что его тут окружает.

В замке свите была отдана часть крыла, примыкающего к покоям самого барона и окруженного галереей, полускрытой вездесущим плющом. Дирхарт мог распоряжаться двумя комнатами — довольно скромными по сравнению со многими в замке и совершенно роскошными — по его собственному разумению. Джону пришло в голову, что по странной

иронии судьбы он, сын учителя в городской школе, отданный в услужение к богатому и уважаемому торговцу, вырос в несравнимо лучших условиях, чем его господин, проведенный детство в убогой развалюхе, пристроенной к маленькой деревенской кузнице, и до поры не знавший ничего, кроме тяжелого труда и жизни впроголодь. И свела их вместе — что уж говорить! — их же собственная порочность.

А еще Джон впервые задумался, не ошибается ли он, считая, что если его самого толкнула на воровство беспросветная скука, то господин его шел на гораздо более страшные вещи, спасаясь от беспросветной бедности. И что вовсе не одно лишь отвращение к нищете превратило Дирхарта в законченного авантюриста. Но теперь, проведя в замке несколько дней и глядя, как его господин стремительно перенимает чуждый для него образ жизни, Джон все чаще представлял себе мотылька, стремительно летящего на огонь...

В подтверждение мыслей слуги Дирхарт подышал на камень, протер его рукавом и снова поднес к падающему из окна свету. Наконец, довольный результатом, он с улыбкой повернулся к Джону:

— Что ты такой кислый все время, а? Я ж вижу.

— Вы уж простите меня, господин, за то, что я сейчас скажу. Только вам, может, и нравится волочиться за красивой госпожой и пьянствовать в компании

дворян, будто вы — один из них. А у меня чувство, что мы здесь в ловушке.

— Ты просто не привык к жизни при дворе знатного лорда.

— А вы, надо думать, привыкли!

— Кстати, за госпожой я не волочился, если ты про мистрис Маргарет.

— Да... а на кухне уже ставки делают, удастся ли вам... — Джон сделал недвусмысленный жест, а потом безнадежно махнул рукой. — Ну вот скажите, господин, зачем вы здесь? Что за приказ получили? Найди то — не знаю что... Будто барон сам толком не знает, чего хочет!

Дирхарт пожал плечами и снова протер рукавом камень в кольце.

— Нет, Джон, думаю, барон очень хорошо знает, чего хочет. Но ты прав, он сказал мне не все...

— То есть получится, как и всегда: кинжал кому-то под ребро и бегом от виселицы? Только вот из замка не очень-то сбежишь. Нет, господин, поймите меня правильно — я за вами и в огонь, и в воду готов, вот только на виселицу не хочется!

Дирхарт отрицательно покачал головой.

— Я в людях кое-что понимаю, Джон. Сэр Уильям — не тот человек, который пользуется услугами наемных убийц. Тут что-то другое.

— Здесь кто-то интересуется услугами наемных убийц?

Дирхарт с Джоном одновременно вздрогнули, оглянувшись на голос. В дверях, тонко улыбаясь, стоял секретарь барона Дэмьен, для которого недавнее знакомство с Дирхартом едва не закончилось падением с лошади.

— До вашего появления, мессир, в этом месте не звучало подобных слов.

— То есть ты и до моего появления бродил по замку и подслушивал? — Дирхарт постарался, чтобы его усмешка была как можно более высокомерной.

— Сэр Уильям приказал немедленно отыскать вас. И к мерзостям, которые у вас на уме, мое появление отношения не имеет.

— Еще как имеет. Меня вот твоя постная физиономия на них очень сильно вдохновляет.

Глаза Дэмьена напряженно сузились.

— Я должен понимать это как вызов?

— Еще чего! — Дирхарт расхохотался. — Драться с тобой? Ты даже не дворянин.

Джон, до сих пор спокойно ожидавший конца перепалки, при этих словах своего господина быстро раскрыл сундук с одеждой, низко над ним склонившись.

— Я дворянин! — возразил Дэмьен.

Дирхарт подбоченился.

— Ой!.. Видал я таких дворян! Кучка — грош в базарный день.

Джон совсем спрятался за поднятую крышку сундука, не желая видеть, как вытянется лицо утончен-

ного баронского секретаря после этой тирады, но Дэмьен лишь повторил, тихо и с нажимом:

— Я дворянин.

— Отстань. Меня сэра Уильям ждет.

Дирхарт оттеснил его плечом и вышел из комнаты. Дэмьен шагнул за ним и крикнул вслед:

— Да ты-то кто такой? Напыщенное ничтожество! Только и умеешь, что...

Его прервал громкий стук за спиной, заставив подскочить на месте от неожиданности. Это Джон захлопнул дверь комнаты.

Дирхарт шел вдоль галереи, поглядывая в проемы между плющом во двор на снующую туда-сюда прислугу, дремлющую у входа в сад большую собаку с заботливо расчесанной шерстью, купающихся в пыли воробьев... Несмотря на приказ сэра Уильяма немедленно явиться, он остановился, прислонясь плечом к витой колонне, и, сорвав листок плюща, зажал черенок в зубах.

Чертов секретарь изрядно подпортил настроение, и Дирхарт не мог толком понять, чем именно. Из их разговора с Джоном он вряд ли слышал что-то, кроме последней фразы, а если и слышал — не страшно, отговориться можно. Дирхарт уже понял, что Дэмьена многие недолюбливали и к его словам отнеслись бы так, как и к нему самому — со смесью недоверия, неприязни и безразличия.

Но тогда чем смог задеть его тихий и аккуратный книжный червь?

Дирхарт смотрел на деревья сада, на виднеющуюся между ветвей остроконечную крышу выстроенной там часовни. Сейчас его раздражало все — даже беспечные воробьи, даже ухоженные кусты роз, даже эта часовня, посвященная, кажется, святому Лазарю... даже святой Лазарь его сейчас раздражал. Выплюнув зажатый в зубах листок, Дирхарт продолжил путь.

Возле выхода из галереи стояли, о чем-то беседуя, двое элегантно одетых дворян, которых Дирхарт прежде не встречал. Оба дружески его поприветствовали, и он ответил им так же легко и непринужденно, хоть в груди что-то слабо екнуло. Дирхарт тут же мысленно обругал себя — за те несколько дней, что он состоит в баронской свите, стоило уже привыкнуть вести себя как дворянин, не позволяя сердцу екать, пропуская удары, от сознания волнующей новизны своего положения.

Проверяя на ходу, достаточно ли прямо он держит спину и не слишком ли вызывающе — голову, Дирхарт вошел в покои барона и тут же натолкнулся на Брогана. Они обменялись всего парой ничего не значащих слов, но Дирхарту показалось, что его новый друг не то встревожен, не то подавлен. Или даже — и то и другое одновременно.

В этот момент одна из дверей распахнулась, и в зал в сопровождении служанок вошла юная зо-

лотоволосая леди. Оба друга застыли в почтительно изящном поклоне. Тщательно повторяя за Броганом все элементы светского приветствия, Дирхарт все же обратил внимание, какими глазами тот смотрел на вошедшую даму и каким взглядом одарила его она. Хоть этикет не был нарушен ни на волосок, сомнений во взаимных чувствах этих двоих быть не могло.

Когда лучезарное видение исчезло за другими дверями, Дирхарт повернулся к Брогану:

— Впервые наблюдаю восход и заход солнца почти одновременно. Кто эта прекрасная леди?

— В замок приехал сэр Томас, лорд Грэй, — сдержанно улыбнулся Броган. — А это его сестра, леди Камилла.

Расспрашивать дальше Дирхарт не стал. Броган — не Коул. Тот всегда был готов хвалиться своими любовными похождениями и, кажется, никогда не слышал о такой скучной вещи, как скромность. Броган же казался полной его противоположностью, и Дирхарт не решился даже намекнуть, что заметил недавнюю игру взглядов.

Он до сих пор не мог понять, каким образом дружеские узы могли связать двоих столь непохожих людей, как Броган и Коул, как он сам оказался третьим в их компании. Но все случилось как случилось, и Дирхарт, когда ему удавалось заставить себя забыть о своем простонародном происхождении и преступ-

ном прошлом, чувствовал себя среди них как диковинный зверь хамелеон, для которого родным домом становилась та ветка, окраску которой он только что принял.

Лакей почтительно распахнул перед Дирхартом дверь в кабинет барона.

Сэр Уильям пользовался любовью своих подданных, причем совершенно искренней. За те несколько дней, что Дирхарт состоял в его свите, он успел наслушаться об утонченно дерзких выходках, всякий раз заканчивающихся дуэлями, и рискованных любовных похождениях с тем же финалом. И хоть сам он впервые встретил сэра Уильяма, когда тот в одиночку едва не уложил четверых головорезов, посетив перед этим спальню чужой жены, все же Дирхарт не мог отделаться от ощущения, что эта бурная жизнь имеет мало отношения к человеку, который сейчас ждет его за дверью. Если не считать их первой встречи, тот сэр Уильям, которого знал Дирхарт, не был похож на отчаянного дуэлянта и дамского любимца. Нет, он был красив, изящен, остроумен, но в нем ощущался такой явный надлом, что Дирхарт удивлялся, почему этого не замечают остальные. Почему никто, кроме него, не видит напряженно сцепленных рук, до крови закушенной губы, усталого и погасшего взгляда. К тому же хоть лето выдалось нежарким, но кутаться в подбитый

мехом плащ — это ведь чересчур... Но когда Дирхарт заговорил обо всем этом с Коулом, то тот лишь пожал плечами: мало ли? Сэр Уильям — человек страстный, жизнь у него бурная. И вообще, все это нас не касается.

Тряхнув головой, отгоняя лишние в этот момент мысли, Дирхарт переступил порог кабинета. Барон встретил его, раздраженно ходя из угла в угол.

— Вы хотели меня видеть, милорд.

— Да. И уже давно. — Сэр Уильям жестом предупредил готовые последовать извинения. — Помнишь, с чего началось наше знакомство?

— Еще бы не помнить, милорд...

И снова Дирхарта прервал нетерпеливый жест.

— Ты предложил мне найти человека, подославшего убийц. Тогда я отказался, теперь же понимаю, что зря.

— Что-то изменилось, милорд?

— Да. И многое. Дама, мужа которой я подозревал, в тот момент уже была вдовой. Она сама об этом не знала, да и никто здесь не знал. Смерть настигла ее мужа далеко от дома и гораздо раньше, чем его жена одарила меня своей любезностью. Так что... — Барон снова раздраженно махнул рукой и сел в кресло.

— Эту весть привез вам сэр Томас, милорд?

— Да.

Барон посмотрел на Дирхарта и вдруг рассмеялся.

— Если сказки не врут и мужья способны мстить с того света любовникам своих жен, все же вряд ли они делают это, подсылая убийц.

— Да, милорд, я думаю, они это как-то иначе делают. Но недруга вашего я вам отыщу, а уж живого или мертвого — как скажете.

— Хороши же твои намеки! Нет, найди мне его живым. С мужчиной я способен разобратся сам.

— Простите, милорд. Просто я вижу, как вы расстроены...

— Не в этом дело... — Барон снова усмехнулся. — Знаешь, некоторых людей делает воистину несносными наличие сестры на выданье... Впрочем, это тебя, к твоему счастью, не касается. Можешь идти.

Перед глазами Дирхарта снова возникла миниатюрная рыжеволосая красавица, влюбленно смотрящая на Брогана, отвечающего ей таким же пламенным взглядом. Стремление сэра Томаса видеть сестру баронессой было очевидно. А вот стремления сэра Уильяма и леди Камиллы, похоже, совпали в одном — в нежелании соединять судьбы друг с другом.

Впрочем, эти страсти Дирхарта не касались. Как ни приятно чувствовать себя приближенным барона, но и возложенные на него поиски сэра Джеффри тоже пора начинать... если, конечно, можно называть сэром бранные останки. В том, что он ищет именно останки, Дирхарт не сомневался. Живые бесследно